Вечеръ самооправданій и демагогіи

Естественно было ожидать, что, рішившись вторично выступить передъ публикой съ докладомъ на тему о Россіи русскій эмигрантъ, писательскій кругъ на этотъ разъ разовьетъ и углубитъ свой основной тезисъ о истиннности Россіи на религіозной основѣ. Эти ожиданія не оправдались. Вмѣсто того, чтобы углубить, продолжить метафизику указанного докладчика, поститель съ удивленіемъ слушалъ въ теченіе всего вечера 5 апрѣля 1924 г. ... нашей газеты на которую «сердца въ одинъ голосъ пречтенно жаловались».

Въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Последнихъ Новостяхъ» по поводу перваго дебюта и навѣвае въ передовой «голоса изъ гроба» — изъ «обрушенія, «неистинности смысла жизни» и «мертвящаго тлѣнія». Это говорили Бунинъ, Мережковскій, Карташевъ, Шмелевъ и Кульманъ. Впрочемъ, послѣдній ораторъ говорилъ и объ другомъ, о чемъ дальше.

Мы не упоминаемъ о «докладчикѣ, приглашенномъ предсѣдателемъ студенческаго общества «горечи и разорвы» — «Русской культуры» г. Соловьевымъ: то было трафаретное заявленіе «одного изъ лучшихъ ораторовъ», одно изъ тѣхъ «дежурныхъ блюдъ, коими, очевидно, рѣшено угощать аудиторію каждый разъ, приглашенные автори выступаютъ на сюзе брайтъ».

Серію рѣчей открылъ г. Бунинъ. Онъ говорилъ «лишь за себя и только о себѣ». Нашъ газетъ выбросилъ лозунгъ «не пробу, а умирать не собираетъ». Въ старые годы писалъ — Тургенѣ, Фетъ «бежали въ расчетъ» клеймо «обетъ-рванты», сдѣлать это съ собою онъ не позволитъ. Утверждаютъ, что онъ остаетъ, но отъ чего? — Отъ «мертвой жизни», отъ «жаждетъ оратуръ сонелиа», но отъ «жизнь. И слѣдуетъ длинно и долго изъ какого не частаго мелка, и по мелкимъ мрачнымъ краскамъ рисующаго жизнь въ совѣтской Россіи. Онъ читаетъ «отрывки изъ статьи Устрицева, изъ «Дня», Гессуна и недоумѣнно «спрашиваетъ, почему въ насъ никто не пишетъ мрачнымъ».

«Почему Достоевскій «пишетъ, а я не могу?». Надъ вами издѣваются, кидаетъ Разоравленное самообзоръ «ораторъ уходитъ до лѣдяной и лиловатыхъ отдѣловъ аналитическихъ, лиловатыхъ нашей передовой, и онъ знаетъ, гдѣ корни этого лиловатыя. «Наша жалость, чтитъ онъ въ сердцѣ автора нашей передовой и комментируетъ:

«Что лучше: успокоенная демократія? Чего лучше: мертвое жалость, нарѣчія? Эти «существенныя свойства Россіи гаки осмѣлили, что рыгнуть на того, у кого нарвутся слова при арѣдной бѣдствій, обрушившихся на родину». Онъ даетъ себѣ отчетъ что отъ нашего органа его отдѣляетъ пропасть: «Последнія Новости стоятъ на фундаментѣ прошлаго, демократическомъ, а у него убѣжденія — религіозныя, духовныя. Но все же онъ хотѣлъ бы, чтобы и мы его понимали, не перечитывали свои стихи, о которыхъ шла рѣчь въ нашей передовой, и обращаемъ къ нѣмъ. Суть въ томъ, что, кромѣ родины, есть родина вѣчная «вѣчная обитель». Всѣ поэты: Шиллеръ, Шеньеъ, Баратынскій на самомъ дѣлѣ становились консерваторами, поклонниками прошлаго. Самъ Богъ установилъ Іерархію, отрицать равенство и утверждаетъ аристократизмъ. Впрочемъ, фратуръ готовъ согласиться и республикѣ, если она окажется достойной того. Но быть собачьей Жучкой, которой говорятъ «сидѣть», и она выдыхаетъ, онъ никакъ не хочетъ.

Послѣ выступленія г. Карташева. Онъ прекрасно понялъ автора статьи «Плачъ изъ гробъ», когда онъ писалъ, что умаетъ его, Карташева, въ первомъ вечерѣ нитаетъ наложенъ на все его выступленіе особый отпечатокъ. Онъ нисколько не удивленъ нашей отповѣдью. Онъ, твердо стоитъ на своей позиціи и видитъ точку зрѣнія «Последнихъ Новостей».

Но его мнѣнію, нашъ органъ неправильно и непонятно — о взаимоотношеніи между религіей и политикой, «свѣтъ заразу». Эмиграціи исполняетъ не только національную, но міровую миссію, міръ духовно пусть, и эмиграціи предлежитъ возродить его. Отсрочъ глаза міру можно только «вѣрнымъ» христіанъ управленіе человѣческаго достоинства.

«освѣтить и углубить направленіе религіей Христа», а наша газета стоитъ на доходящей точки зрѣнія — на «тяжкостной». Ихъ непримиримость — предпосылка борьбы. Они подходятъ къ поставленнымъ съ христіанскимъ и высшимъ критеріемъ, но какіе практическіе выводы вытекаютъ послѣдствіи изъ сего, они сейчасъ не сказутъ. Онъ лишь — не поклонникъ апологической религіи, но «тоска никкой политики не предлагаетъ». «Мы, говорятъ, — лишь — пророки, призываетъ къ нимъ — не могутъ сдѣлать ничего. Ихъ непримиримость христіанской совѣсти». Политическій парадоксъ, выдвигаемый Бунинымъ, приводитъ къ выводамъ не дешевъ не заработанъ: «Последнія Новости обвиняли писательскій кружокъ, его, г. Карташева, въ реакціонности. Но что прежде всего? Прежде всякимъ, что онъ не понялъ, о какой реакціи шла рѣчь на страницахъ нашей газеты, г. Карташевъ не прочитывалъ, не знаетъ, сущностями, что понимается въ физикѣ подъ реакціей. И тутъ же вводитъ въ дискуссію свой рецептъ, называетъ всякую теорію: «вѣрить на церкви — реакція! лишь въ колокола — реакція!». Дальше «будетъ реакціонеръ самодержавіе: ораторъ и его трудъ — лишь «прекрасные» телеологіемъ: заигрывай у нихъ не бойся, пусковъ, поглядь они не «прелятся». «Мы — люди, призванные духовную реакцію, т. е., религію, мы (то адресу нашей газеты) тоже проявляетъ реакцію, но безпорядочно. Но и помѣно г. Бунину, онъ не хотѣлъ бы, чтобы «Последнія Новости плохо думали о немъ. Онъ — не сторонникъ прогресса. Прогрессъ не нуженъ. Новая Россія будетъ другой и «воспитанность» оказывайте много отъ нынѣшней революціи».

Г. Мережковскій повторяетъ предыдущій ораторъ: «Последнія Новости» большой вредъ нашъ. Пусть черные «Гесть на гребѣ, съ ними нельзя». Ораторъ, что они вмѣшиваютъ религію въ политику. Политикой они «сейчасъ не занимаются». Но можетъ вмѣрать — правило «Новости» — условность, относительность, прагматизмъ. Но если бы даже нашлись такія группы какъ «новые» прямой (?), сущности, а значитъ — условность, относительность, прагматизмъ. Но если бы даже нашлись такія группы какъ «новые